

И. Родин

В логове

Бера

Игорь Родин
В логове бера

«Автор»

2018

УДК 82-31
ББК 84(2)6

Родин И. О.

В логове бера / И. О. Родин — «Автор», 2018

ISBN 978-5-4458-8643-3

Роман «В логове бера» – первый из серии, повествующей о Павле Ткачеве (Поле Тэйлоре), рыцаре Ордена иерархии, сражающегося с мировым злом и адептами инфернальных сил по всему миру. Жанр произведения – мистический боевик, но написано оно с прекрасным чувством юмора, так что произведение не только увлекательно читается, но в нем есть и над чем посмеяться.

УДК 82-31

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4458-8643-3

© Родин И. О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	13
5	14
6	17
7	19
8	21
9	24
10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

И. Родин
В логове бера
роман

© Родин И. О., 2018

Москва, 2003 год

1

В дверь отрывисто постучали.

Пол Тейлор невольно вскочил с кресла. Мышцы сами собой напряглись, пальцы сжались, готовые в любой момент рвануться к кобуре, приклеенной снизу к кровати скотчем. Глаза мгновенно оценили расстояние до шкафа, за задней стенкой которого был спрятан меч.

Впрочем, Пол тут же расслабился. Вероятно, это просто принесли заказанный им в номер завтрак.

«Вот черт, почти уже целую неделю торчу здесь, в этой занесенной снегом и забытой богом стране, причем безвылазно в номере гостиницы, – подумал он, – а рефлекс ничуть не притупился. Что поделать, многолетняя привычка», – вздохнул Пол и пошел открывать дверь.

На пороге и вправду стоял официант с тележкой.

Пол незаметно окинул его оценивающим взглядом и отступил вглубь коридора, приглашая войти. Официант кивнул, переступил порог и вкатил тележку в номер. Встал посередине, молча протягивая счет.

Пол взял листок, испещренный цифрами, машинально пробежал по нему взглядом. Так, яичница с беконом, отварные овощи, сыр, свежий апельсиновый сок, фрукты...

Все правильно. Он поднял глаза, уловил взгляд официанта и внезапно разозлился. И чего смотрит? И не просто смотрит, а вот так, слегка наклонив голову набок, словно изучает его, Пола Тейлора? Почему они все так смотрят? Пол уже не в первый раз замечал этот взгляд – странный, непонятный, тревожащий.

Пол бывал во многих странах, видел бесчисленное множество прислуги – арабов, подострастных и готовых на все ради хорошего бакшиша, латинос – шумных и ленивых, не делающих шагу без дополнительной оплаты или хорошего пинка в зад, индейцев – напротив, молчаливых и выносливых, как мулы, сколько на них ни нагрузи, японцев – вежливых, улыбающихся и воспринимающих все до идиотизма буквально, французов – болтливых и по-детски непосредственных в своей извечной неаккуратности и неорганизованности, немцев – педантичных и надутых, исполняющих свои обязанности с таким видом, точно ничего важнее этой работы нет в целом свете, и, конечно же, англичан – гордых аристократизмом и родовитостью своего нанимателя, снобов подчас даже больших, чем сами хозяева. Однако какими бы ни были различия, всех этих людей роднило одно. Пусть по-своему, с поправкой на язык и культурные особенности, уровень развития и образования, но... все они знали свое место. Это вовсе не значит, что нынешний обслуживающий персонал не мог бы позже выбиться в люди. Вполне мог. Но тогда бы эти люди исполняли иную роль и... тоже знали бы свое место. В их мире все твердо, все понятно. Здесь же – черт знает что. В магазине у вокзала сувенирами торгует бывшая певица, частным извозом на какой-то допотопной машине занимается профессор-биолог, экскурсии по Москве проводит бывшая спортсменка-лыжница... Так что этот тип тоже вполне может оказаться каким-нибудь замаскированным Нижинским или Эйнштейном. Стоит и смотрит так, словно проводит над тобой какой-то очень важный эксперимент, и именно с этой целью – не иначе – вырядился официантом.

«Просканирую-ка я его на всякий случай», – решил Пол, и, протянув деньги, как будто невзначай подошел к официанту совсем близко. Тотчас в центре лба под черепом что-то напряглось, запульсировало...

«Чисто», – сделал через секунду вывод Пол и устало вздохнул.

Официант засунул деньги в карман и, как показалось Полу, веселым взглядом окинул царящий вокруг хаос.

А посмотреть и вправду было на что. По всему номеру были разбросаны пиджаки, галстуки и рубашки. На тумбочке и столе громоздился ворох грязной посуды, там же огромной

Пизанской башней возвышалась стопа видеокассет. На кровати в беспорядке были навалены книги – словари и разговорники, учебники и тома русской классики. Вид был такой, словно какой-то сума сшедший решил устроить в библиотеке террористический акт.

Только тут до Пола дошло, сколь нелепо в этом хаосе выглядит аристократический завтрак, привезенный в тележке.

– Маленький раскардаш, – объяснил он, вспомнив какой-то русский фильм, в котором нелепый персонаж-иностранец все говорил и делал на удивление невпопад.

Вероятно, официант тоже смотрел этот фильм, потому что он хмыкнул и тут же стал намного дружелюбней. Он забрал грязную посуду и даже смахнул полотенцем с тумбочки и стола – не иначе чтобы придурку-иностранцу было удобнее вкушать свой изысканный завтрак.

«Вот и ты, Паша, научился у них этой проклятой самоиронии, – отметил про себя Пол, когда дверь за официантом закрылась. – Черт бы побрал этих русских с их вечными парадоксами!»

Пол прошелся по номеру.

«Этих русских! Сказал тоже! А сам-то ты кто? Тоже русский, как оказалось... Точно! Вот и рефлексия налицо. Все как в этих чудовищных романах. Нет никаких сомнений. Никакой ты не Пол Тейлор, дорогуша, а самый настоящий Павел Ткачев, как написано в той дурацкой бумаге...»

2

Когда Пол узнал, что он не родной сын своих родителей, это было для него как гром среди ясного неба. Отец его Джон Тейлор, умер два года назад. После него остались бумаги, но Пол сел их разбирать лишь спустя три месяца после похорон.

Если бы он знал, какой удар готовит ему судьба, он бы, пожалуй, держался от этих бумаг как можно дальше.

Начав разбирать документы, он наткнулся на старинную шкатулку. Она была покрыта темным лаком и украшена рисунками, изображающими катание каких-то людей в шубах на тройках по заснеженному городу. Внизу виднелась странная надпись, судя по всему, сделанная кириллицей. Пол открыл крышку. Сверху лежало письмо, подписанное его отцом. Написано оно было, судя по желтому оттенку бумаги, давно и лишь дожидалось того дня, когда Пол откроет шкатулку. В письме говорилось:

«Мой дорогой Пол. Если ты читаешь эти строки, значит меня уже нет в живых.

Пойми меня правильно, но я не мог не написать тебе это письмо. Постарайся воспринять известие, которое я хочу сообщить тебе, спокойно. Дело в том, что ты – не родной наш сын. Мы усыновили тебя в пятилетнем возрасте.

Мы с Джоанной тогда ездили в Россию: я выполнял там секретную правительственную миссию. Россия тех времен была страшным местом: огромная, бедная и наглухо закрытая для остального мира страна, в которой царил власть коммунистической партии и спецслужб.

Во время своих передвижений по СССР (именно так называлась в то время Россия) я волею судьбы попал в город Глинск, где встретился с твоей бабушкой Анной Антиповной Карасевой. Она пробралась к нам в дом тайно, спасаясь от преследований КГБ. С ней был ребенок, мальчик пяти лет. Она рассказала, что родителей мальчика, ее дочь и зятя, убили агенты спецслужб и теперь, похоже, настала ее очередь. Она просила нас взять ребенка с собой и как можно скорее вывезти из страны, иначе он тоже будет убит. Я пытался объяснить ей, что это невозможно, что нам не дадут пересечь границу с ребенком, но Анна Антиповна умоляла, чтобы я поверил ей и взял мальчика. Она говорила, что границу мы пересечем, за это она ручается. Еще женщина сказала, что она колдунья и что последнее, что она может сделать для своего внука, – это „отвести глаза“ пограничникам. Я не придал ее словам значения – похоже, старуха была не в себе после всех злоключений, выпавших на ее долю.

Но Джоанна умоляюще смотрела на меня. Едва увидев, она полюбила тебя, как сына. У нас не было своих детей, и несмотря на все усилия врачей, нам так и не удалось решить эту проблему.

Тем не менее я был непреклонен – я слишком хорошо знал, как умеют искать русские спецслужбы. И тут Анна Антиповна сказала, что тебя зовут Павел Ткачев. Я никогда не верил во всякую сверхъестественную чепуху, но тут и у меня мороз пробежал по коже. Дело в том, что имя моего отца было Пол, а на русский оно переводится как „Павел“. Кроме того, „Ткачев“ – это почти то же самое, что по-английски „Тэйлор“. Таких совпадений не бывает, и я понял, что это указание свыше, что Бог дает нам шанс всей нашей жизни. И я согласился.

Бабушка ушла под утро, оставив бумаги и странный талисман, которые я теперь кладу в шкатулку. Больше мы ее не видели.

Утром мы выехали в Москву и срочно купили билеты до Лондона. Я предпринял массу предосторожностей, но к моему удивлению, нас даже не остановили на границе для досмотра. Не скажу, было ли это колдовство Анны Антиповны или просто удивительное везение, но в тот же день вечером мы уже были в Англии. Так ты стал Полом Тейлором, а мы – твоими родителями.

Ни одного дня, ни одного часа мы не пожалели о том, что сделали. Всему, чему мог, я научил тебя. Я хотел, чтобы ты стал достойным продолжателем рода Тэйлоров. Джоанна и вовсе в тебе души не чаяла, баловала как могла.

После той ужасной катастрофы, когда погибла Джоанна, у тебя начали проявляться необычные способности. Ты был увлечен и окрылен этим. Прости меня за то, что я не всегда отвечал на твои восторги. Надеюсь, теперь ты сможешь меня понять. Глядя на все это, я думал о твоих настоящих родителях и о бабушке Анне Антиповне, от которых, по всей видимости, ты эти способности унаследовал.

Свой путь человек избирает сам. Похоже, ты его выбрал. Благословляю тебя, мой сын, и надеюсь, что был не самым плохим на свете отцом. Да пребудет с тобой Бог».

3

Прочтя это письмо, Пол несколько дней ходил сам не свой. Трудно было представить, что творилось в его душе. Обожаемые, любимые родители оказались ему не родными! Англия, которой он всегда так гордился и считал лучшим местом на свете, – не его дом! Выяснилось, что он происходит из какой-то страшной и далекой страны, которой он никогда не видел, да, если откровенно, и не хотел видеть. Все, чем он занимался, чем жил, в одночасье было поставлено под сомнение, изящная конструкция его жизни, которую он любовно возводил все прошлые годы, зашаталась и угрожающе накренилась, готовая в любой момент рассыпаться, как карточный домик.

Примерно через месяц волнения улеглись, и Пол решил поговорить с кем-нибудь из приятелей. Ему был нужен простой, житейский совет, поэтому он не стал обращаться к коллегам по своей тайной (и, соответственно, основной) работе, а пошел на дружескую вечеринку с компаньонами трейдерской фирмы, в которой ему принадлежала доля и где он числился для отвода глаз, появляясь раз в две или три недели (а когда случались долгосрочные миссии, то еще реже). Для компаньонов-трейдеров он был преуспевающим торговцем – об этом говорили солидные прибыли, которые фирма получала, реализуя контракты, добытые Полом во время отлучек (заказы, ясное дело, доставлялись «конторой» и тоже были частью легенды). Доставшееся по наследству имение, парк дорогих автомобилей, яхта, солидный счет в банке, костюмы, сшитые на заказ у самых известных портных, успех у женщин и прочие атрибуты «сладкой жизни» заставляли большинство людей из «обычной жизни» если не завидовать, то по крайней мере относиться к Полу с уважением и всячески искать его расположения, а если повезет, то и дружбы.

Один из партнеров Пола по бизнесу был маленький рыжий ирландец по фамилии О'Брайен. Звали его Шон. Неиссякаемому оптимизму и энергии О'Брайена мог бы позавидовать кто угодно. Он был завсегдатаем модных тусовок и премьер, играл в гольф и на бильярде, баловался покером и скачками, волочился за дамами, которые, как правило, были минимум на полголовы выше его, ездил на какие-то экзотические курорты, десантировался в неизведанные дебри... – и вообще полагал, что жизнь – это азартная, захватывающая игра, и что главное – быть в ней тем, кто выигрывает, а не тем, кто просаживает последние сбережения, надеясь, что и ему вот-вот должно повезти. Этот ирландец словно был рожден для того, чтобы опровергнуть расхожее мнение о прижимистости и природной мрачности своих соотечественников. Однако и он унаследовал некоторые черты своих предков. Несмотря на азартный характер, дела Шон вел расчетливо, иногда жестоко, и даже в личной жизни никогда не терял головы. Он даже умудрился почти не пострадать финансово после двух разводов. Ку-миром его на протяжении многих лет был ни кто иной, как Говард Хьюз, авантюрист, капиталист, авиатор, кинопродюсер и плейбой. Шон открыто восхищался им и даже поместил у себя в гостиной черно-белый портрет, изображавший молодого Говарда на фоне готовящегося взлететь самолета.

Вторым партнером Пола по бизнесу был высокий, темноволосый и пару лет назад начавший полнеть бизнесмен по имени Оливер и по фамилии Тренд. Фамилия его служила источником постоянных шуток со стороны коллег-бизнесменов, впрочем, вполне добродушных. Ну, что-то вроде: «Какой там сегодня Тренд? Положительный или отрицательный?» (при этом имелись в виду, разумеется, вовсе не сегодняшние рыночные тенденции, а настроение мистера Оливера и стоит ли к нему заходить на подпись немедленно, или лучше часок переждать). А вот еще другой вариант, в принципе, той же шутки: «В каком положении сегодняшний тренд?». На что тут же приходил ожидаемый ответ: «В наклонном. Вчера изрядно перебрал на вечеринке у Джонсона». И так далее все в том же роде.

Надо сказать, что Тренд являл собой почти полную противоположность О'Брайену. Флегматичный и неторопливый, он был, скорее, склонен к созерцанию, а не к действию. Увлекался он историей, на досуге читал труды древних мыслителей, от людей не ждал ничего хорошего, поскольку вслед за известным философом искренне полагал, что все глупости человечество уже сделало, а теперь их только повторяет. К своим занятиям гольфом, посещениям оперы и картинных галерей Тренд относился с экзистенциальной обреченностью – как к неизбежной части образа жизни людей его круга. Иногда Полу казалось, что тот так же стоически-мученически относится вообще к необходимости пребывать в физическом теле на этой грешной земле, – как к неизбежному злу в ожидании перехода на более высокий, духовный уровень. В бизнесе он был холоден (порой даже излишне) и невероятно расчетлив. Впрочем, это было не следствием какой-то природной злобности, а скорее совсем наоборот – абсолютного безразличия к проблемам этого бренного мира и населяющих его индивидуумов.

Когда Пол пришел в бар (который они время от времени посещали исключительно мужской компанией), оба партнера уже сидели за столиком и даже что-то пили и ели. Бар был вполне респектабельным и отнюдь не по карману простым смертным, поэтому обслуга тут встречала всех очень приветливо (но при этом ненавязчиво), шума и гвалта не было слышно, а кормили весьма и весьма сносно.

– Привет, – поздоровался Пол, подойдя к столику. – Вижу, тренд сегодня в лежачем положении, – вяло пошутил он, окинув взглядом развалившегося в кресле Оливера.

– Я-то в лежачем, а вот ты в каком? – ответил тот, косясь на партнера.

– Точно, – поддакнул ирландец. – Что там у тебя стряслось? А то я уж не припомню, когда мы вместе тут сидели. – Он задумался. – Где-то полгода назад?

Оливер кивнул.

– Точно, аккурат после рождественских праздников.

– Совсем забыл старых друзей.

Пол уселся в кресло и угрюмо уставился в меню.

– Что ты там решил вычитать? – поинтересовался Оливер.

– Наверняка эту писанину наизусть знаешь, – поддержал его Шон. – Рассказывай. Мы ведь не только партнеры, но и друзья. А на что еще нужны друзья, если не для того, чтобы им, когда надо, поплакаться в жилетку?

«А и действительно, что я стусевался? – подумал Пол. – Хотел получить практический совет трезвомыслящих людей? Вот и получай теперь по преЙскуранту».

И за ужином Пол рассказал о странном письме, опустив, впрочем, все, что было связано с потусторонними силами и сократив рассказ исключительно до тайны собственного происхождения.

Когда он закончил, повисла пауза. Официант принес бокал «Шабли» 1975 года (в соответствии с заказом Пола).

– Ну, что скажете? – поинтересовался он у приятелей, делая глоток.

Те некоторое время молчали.

– Гм... – произнес через минуту Тренд. – А я был готов поручиться, что если еще и остались на этом благодатном острове истинные, чистокровные англичане, то это, конечно же, мой друг и партнер Пол Тэйлор. Надо же...

– Извини. Не хотел тебя разочаровать, – желчно отозвался Пол.

– Ничего, – добродушно пробормотал Тренд, не уловив сарказма.

– Ну а ты что скажешь? – обратил Пол взор в сторону Шона.

– Что ж тут сказать? – отозвался тот. – Только то, что ты оказался еще более везучим сукиным сыном, чем я мог себе представить. Родиться где-то в заднице мира, перебраться в Англию, получить самое лучшее образование, воспитание, да еще не слабое наследство... И,

самое главное, не приложить к этому абсолютно никаких усилий... После такого впору поверить в какую-нибудь сверхъестественную чепуху – типа судьбы, высшего предназначения и прочих потусторонних сил.

– Спасибо, – брюзгливо резюмировал Пол. – Успокоил.

– Зря иронизируешь, – пожал плечами Шон. – Везение – штука вполне реальная, хотя и весьма капризная... Я лишь хочу сказать, что ты очень, ну просто невероятно везуч. И тут радоваться, а вовсе не брюзжать надо... Кстати, ты не пробовал в рулетку, ну или хотя бы на тотализаторе играть?

– Ну тебя к дьяволу! – рассердился Пол и повернулся к Тренду. – Что теперь делать-то?

– А почему надо что-то делать? – вскинул тот брови. – Живи дальше как жил. По-моему, ты уж извини, все твои страдания – просто блажь.

– В смысле?

– А в том смысле, что мне, например, совершенно все равно, кто были мои предки... Хоть это и не совсем по-британски, но мне этот вопрос до лампочки. Я из них почти никого даже не видел ни разу. Поэтому пусть будут хоть папуасы, хоть пигмеи с островов Зеленого Мыса. К моему повседневному бытию это не имеет никакого отношения. Говорят, что наши более отдаленные предки вообще были обезьянами, лазали по деревьям и жрали всякую дрянь. И что? Оглянись вокруг. Ты одет в дорогой костюм, сидишь в шикарном ресторане и ешь изысканную пищу.

– Ну? Что из этого следует?

– А то, что надо попросту наплевать на глупое письмо. И жить дальше.

– Точно, – согласился Шон. – Мало того, теперь у тебя есть куда больше оснований радоваться жизни и вообще – предаваться плотским удовольствиям.

– Это отчего же?

– А оттого, что тебе, мой друг, сказочно, неслыханно повезло. Ты фактически сорвал джек-пот, который выпадает одному на миллион. А то и на сотню миллионов. Так что забудь... Кстати, ты помнишь, что завтра состоится финал чемпионата по гольфу?...

4

Как ни странно, разговор с друзьями отрезвил Пола. Решив расслабиться, он сходил вместе с Шоном на финал чемпионата по гольфу, принял участие в ежегодном дерби, потом с Трендом посетил оперу и музей современной скульптуры (где от души посмеялся, а заодно послушал умные и довольно язвительные замечания Оливера относительно психического здоровья индивидуумов, которые все это создают, а также скрытых комплексов тех, кто на все это смотрит серьезно). Настроение постепенно улучшилось. История с письмом стала казаться каким-то странным недоразумением, нелепой ошибкой...

В общем, еще через пару недель Пол решил попросту забыть о письме. Однако это оказалось не так просто. Мысли то и дело возвращались к запретной теме. «Как в известной восточной притче, – усмеялся Пол. – Не думай о зеленой обезьяне...»

Вся эта борьба с ветряными мельницами отнимала много сил. И постепенно, незаметно для себя, Пол почти возненавидел эту далекую, холодную и дикую страну, а также все, что с ней было связано. Она дважды лишила его родителей. В первый раз тогда, давно, в пятилетнем возрасте, а во второй – уже здесь, в Англии, когда он узнал, что Джон и Джоанна ему не родные. И это те, кто вырастил его, дал ему все, что он имеет в жизни, кто любил его, ближе кого у него не было никого на свете!.. Подумать только, у них даже имена были похожи...

Пол вынул бумаги из злополучной шкатулки и отдал на хранение нотариусу. Саму шкатулку, а с ней в придачу кем-то подаренную книжку Чехова и два тома «Войны и мира», принадлежавшие Джоанне, – все, что было в доме русского – сжег в камине. Странный талисман, оставшийся от бабушки, швырнул в ящик письменного стола, предварительно рассмотрев. Ничего необычного. Самая простая серебряная пуля на длинной цепочке.

«Все, тема закрыта», – решил Пол и принялся жить, как раньше. Благо в этот момент от него потребовалось много сил и времени, чтобы перестроить родовое поместье Тэйлоров. Отец и сам давно хотел это сделать, но не успел. Пол решил, что должен воплотить план в память о нем. Кроме того, работа спасала от не слишком приятных мыслей. Пол буквально с головой погрузился в нее. На досуге читал книги, смотрел фильмы (один даже на китайском языке, хоть и с субтитрами). Слава богу, в мире есть много других стран, кроме России...

Через некоторое время Пол предпринял путешествие на своей яхте по Средиземноморью. Посетил Италию, Испанию, Францию, Грецию, обогнул остров Кипр, завернул в Турцию, поболтался по египетской Александрии, немного позагорал в Тунисе... В общем, с пользой провел время.

О России и русских он разговоров не любил и всегда старался ненавязчиво перевести беседу в иное русло, если в его присутствии речь заходила на означенные темы.

5

Пол не знал, что явилось причиной их неудачи в Мексике. Миссия окончилась трагически – он потерял свою возлюбленную, несравненную, неистовую Люсию Санчес и чуть не лишился друга и верного соратника Анджея Крашевского... Несмотря на то, что коллеги в один голос уверяли, будто он сделал все, что мог, Пол чувствовал себя виноватым. Воспоминания о Люсии не давали ему покоя.

Нет, они никогда не были слишком близки. Это не была ровная, спокойная любовь, которая может выдержать десятилетия совместной жизни. Это была страсть, вспыхнувшая практически сразу, как только они увидели друг друга. Произошло это почти три года назад, в Аргентине. Пол застрял тогда в маленькой деревушке неподалеку от Кордовы. Жители деревни вели себя непонятно – то впадали в транс, то в массовом порядке (обыкновенно в полнолуние) выходили ночью из домов и отправлялись на вершину холма, находившегося неподалеку. Нужно было выяснить, что является причиной, было ли это следствием массового гипноза, результатом внешнего влияния, или еще чем-то в таком роде. За две недели, проведенные среди странных, сомнабулических людей, Пол так и не понял причины их необычного поведения. Ни одна теория не срасталась, сколько он ни бился. Пришлось передать в центр неутешительные новости. МакКормик, как полагается, поворчал, но на следующий день сообщил, что Полу на помощь отправлен еще один агент. «Слава богу, – решил Пол. – Может, хоть теперь что-то сдвинется с мертвой точки». Его уже даже не слишком заботило, что он не справился с заданием – настолько ему осточертела эта дыра. Даже призрачная возможность выбраться отсюда вселяла в него оптимизм и уверенность в завтрашнем дне.

Еще через день прибыл агент. Пол ожидал чего угодно, но только не того, что этот агент окажется девушкой. Да еще ослепительно красивой. Поначалу он удивился. Потом не на шутку разозлился. Выходит, МакКормик его уже ни во что не ставит, если присылает какую-то вертихвостку, чтобы исправлять за ним ошибки. За ним, самим Полом Тейлором! Ну, он им всем покажет! И Пол принялся с такой энергией расследовать деревенские происшествия, что через пять дней достиг успеха. С темноволосой красавицей успеха он достиг через три дня. Устоять против сильнейшего взаимного притяжения не смогли ни он, ни она. Связи между агентами не одобрялись, хотя и не запрещались официально. Впрочем, кто его знает, может старый интриган МакКормик заранее все просчитал и специально прислал Люсию Санчес, чтобы подстегнуть Пола в его затянувшихся изысканиях. А психологическую совместимость на предмет активации просчитали штатные психологи Ордена. Что ж, вполне может быть. Полу было абсолютно все равно. Одно было ясно – он влюбился так, как никогда не влюблялся раньше.

Примечательно, что дух соперничества, возникший при самой первой встрече, никогда не оставлял Люсию и Пола впоследствии. Они словно бежали наперегонки, то шутливо подталкивая друг друга и насмешничая, то протягивая руку и спасая партнера от казалось бы неминуемого падения. Это наполняло жизнь страстью, делало отношения подвижными, азартными, даже в чем-то авантюрными. Масла в огонь подливал друг Пола – Анджей Крашевский, который, похоже, тоже ни на шутку влюбился в кареокую Люсию.

На задании в Полинезии Люсия оказалась с Анджеем в одной группе. В состав ее входило еще восемь человек, но вернулись только они вдвоем. Остальные погибли. Как именно, Пол не знал, отчеты других агентов просматривать было запрещено, нужна была особая форма допуска, которую в Ордене имело всего человек десять, не больше. Разглашать подробности операций строго запрещалось, так что Люсия молчала. Впрочем, Пол и не спрашивал – и так было ясно, что произошло что-то ужасное.

Через неделю после возвращения и курса восстановительной терапии Люсия сообщила Полу, что у них с Анджеем во время задания был секс. Что ж, дело вполне обычное. И психологически оправданное. Тем более в таких обстоятельствах.

И все же где-то глубоко внутри Пола словно кольнуло. Сам он не был образцом верности. Что и понятно. Задание может длиться по нескольку месяцев, а тело, как ни крути, требует свое. Каждый из них, и Люсия и Пол, прекрасно отдавали себе в этом отчет. Это было своего рода негласное соглашение. Не ревновать и не расспрашивать ни о чем, кроме того, о чем каждый сам пожелает рассказать.

Но теперь было все иначе. Все стало нелогичным, выходящим из-под контроля. Пола это пугало. Впервые он ощутил это странное и страшное чувство потери контроля над собой в момент их стычки с Анджеем во время представления «Волшебной флейты» в Венской опере. К счастью, все закончилось бескровно. Ни тот, ни другой почти не пострадали...

Однако дурные предчувствия Пола не обманули. Конфликт не закончился, он лишь перешел на новый этап. И этап этот был гораздо серьезнее, чем предыдущий. Судьбе было угодно свести их всех троих в Мексике. Целый регион в пустыне был охвачен эпидемией самосожжений. Было совершенно не ясно, действует ли там религиозная секта, толкающая людей на самоубийство, или же это явление массового помешательства, вызванного неизвестными причинами. Поездка была жуткой. На протяжении всего задания Пола не покидало ощущение какого-то безнадежного ужаса и неумолимо надвигающейся беды. Началось это уже в первый день, когда они были десантированы около одной из сожженных деревень. Пол помнил жару, каменные почерневшие остовы домов и невыносимый, тошнотворный запах горелой плоти. В живых практически никого не осталось, только ребенок лет пяти да обгоревший старик, который умер на следующий день после их приезда. Ни от того, ни от другого практически ничего добиться не удалось. Во второй деревне картина была сходной. И тоже ощущался явный недостаток информации. Выяснилось только, что что-то пришло из пустыни, из-за чего люди тронулись умом. Их словно внезапно объяла пиромания. Они принялись жечь факелы, костры, постепенно впадая в экстаз. Через некоторое время в ход пошли дома. При виде горящих построек люди вовсе приходили в неистовство и, охваченные безумием, бросались в огонь.

Последующее изучение ситуации ни к чему не привело, ничего нового узнать не удалось. Из-за этого дело затягивалось, после шестой или седьмой сгоревшей деревни Пол почувствовал, что находится на грани нервного срыва. Заметил он это с некоторым удивлением, поскольку даже среди агентов отличался особой стрессоустойчивостью, да и опыт имел не маленький. Казалось, сама атмосфера давила, пригибала к земле, внушала ужас и мысли о бессмысленности бытия. Создавалось ощущение, что даже воздух вокруг был пропитан исступленным безумием, страхом, который невозможно терпеть и, чтобы закончить муку, есть только один выход – броситься ему навстречу.

Похоже, то же самое чувствовали Анджей и Люсия. Как иначе было объяснить то, что полинезийская история, будто условный рефлекс, вызванный страхом, повторилась и здесь. Вернувшись из поездки по окрестностям поздно ночью, Пол застал их в объятиях друг друга. И тут он допустил главную ошибку, которую не мог простить себе до сих пор. Вместо того, чтобы прокачать ситуацию и понять, что оба его партнера не в себе, вместо того, чтобы вызвать подмогу, на худой конец просто связаться с центром, он позволил эмоциям возобладать над всем. Впрочем, он и сам находился на грани. Вытащив Анджея за шиворот во двор, он высказал другу все, что думал о нем. Но тот, казалось, ничего не понимал, а лишь округлив глаза, повторял, что он «нашел» и что надо лишь немного подождать.

Что именно произошло потом, Пол так до конца и не понял. Раздосадованный и злой, он сел в машину и уехал прочь, куда глаза глядят, и опомнился лишь тогда, когда у горизонта, как раз в том месте, где остался лагерь, заметил яркое зарево. Здесь словно пелена упала с его глаз. Дав по рации сигнал «sos», он запрыгнул в машину и погнал ее по каменистой пустыне как

сумасшедший. То, что открылось его взору, он не забыл до сих пор. Посреди деревни виднелась громадная воронка, на дне которой что-то клокотало и ворочалось. Земля растрескалась, от развалин поднимались черные клубы дыма... Анджея он нашел на самом краю воронки. Тот был ранен какими-то осколками, правая сторона тела была обожжена. Кроме того, похоже, имела место сильная контузия, поскольку Анджей был без сознания. Через два с половиной часа появился боевой вертолет, который забрал пострадавших на борт. Люсию, сколько Пол ни искал, он так и не нашел. Ни следа.

Через неделю Анджей пришел в себя, но он практически ничего не помнил. При вопросе относительно Люсии он лишь ответил, что она умерла. Больше из него вытянуть ничего не удалось. Спецы что-то над Анджем колдовали, присоединяли электроды, погружали в гипнотический сон... Но, насколько Пол знал, не слишком продвинулись в своих усилиях.

6

Поначалу Пол бегал, чего-то требовал, умолял МакКормика дать ему возможность отправиться на поиски Люсии, уверял, что она жива, что выпутывалась раньше и не из таких ситуаций... Но время шло. На поиски были посланы четыре агента (Пола разумно отстранили от участия в операции), но возвратились они с пустыми руками. Постепенно Пол потерял надежду и, как остальные, уверил себя в том, что Люсия Санчес мертва. Напоследок (это было пару месяцев спустя после окончания поисков), он все же съездил в Мексику. Побродил по выжженной мертвой деревне, осмотрел воронку и окрестные развалины, словно надеясь что-то найти, какой-то незначительный, понятный только ему одному знак, но так ничего и не нашел. Начальство с пониманием отнеслось к его поездке и не торопило с возвращением. Потеряв всякую надежду, Пол дошел до того, что даже обратился к местному колдуну. Добравшись до столицы штата Сонора города Эрмосильо, он навел справки и пошел по указанному адресу.

Колдун оказался пожилым индейцем с большим бельмом на глазу. Однако разговора не получилось. Едва колдун широким жестом разбросал на белом полотенце, разложенном прямо на земле, бобы, по которым гадал, как его лицо, и без того не слишком симпатичное, исказилось гримасой то ли страха, то ли отвращения. Ничего не объясняя, он указал Полу на дверь. Затем, не дожидаясь, пока гость придет в себя и исполнит указание, он собрал бобы, подхватил полотенце и поспешно испарился.

Так, ничего не выяснив, Пол прилетел в Англию и попытался вернуться к прежним занятиям. Однако очень скоро к нему пришло понимание, что с ним что-то произошло, что он изменился и что эти процессы он, увы, не контролирует. Хорошенько поразмыслив и от-дав себе отчет, что сам не в состоянии справиться с проблемой, Пол обратился к психоаналитику Родригесу, который числился в штате конторы как раз для таких случаев.

Родригес был низкорослым, пухленьким человечком с тонкой ниточкой усов над верхней губой. Он гораздо больше походил на колумбийского мафиози, или, на худой конец, на провинциального коммивояжера, чем на одного из лучших психологов могущественной тайной организации. Нрава Родригес был вспыльчивого, где-то даже непредсказуемого (южный темперамент, что поделать). Но, несмотря на это, в повседневной жизни умел сохранять удивительную стабильность: был прекрасным семьянином, имел жену и четверых детей, а также кучу каких-то родственников, которые то и дело гостили у него дома и непрерывно названивали по телефону на работу.

Едва Пол вошел, Родригес, как и полагается человеку его профессии, начал задавать вопросы, не было ли у родителей психических расстройств, о болезнях, которыми Пол болел в детстве, о его первом сексуальном опыте и тому подобной чепухе. О родителях Пол ничего конкретного сказать не мог, поскольку толком не знал, кто они были. В личном деле родителями числились Джон и Джоана Тейлоры. Пришлось открыть въедливому психоаналитику тайну своего рождения, поведать о письме-завещании того человека, которого Пол всю жизнь считал отцом.

Родригес в течение целой недели после этого ставил над Полом какие-то опыты, погружал в состояние гипноза, подключал к каким-то датчикам – короче, всячески пытался выудить скрытую информацию у него из подсознания...

– Ну, что я могу сказать, – развел Родригес руками после их пятой, последней встречи. – Все, что здесь можно посоветовать, – это отправиться туда.

– Куда? – не понял Пол.

– В Россию, куда же еще? Так сказать, напрямиком в логово медведя.

– Это еще зачем? – с раздражением отозвался Пол. – Я к вам, доктор, пришел не затем, чтобы выслушивать какие-то идиотские советы. Я слышал о вас, как о прекрасном специалисте...

– Дорогой мой, лучше послушайте, что вам скажет старик Родригес. Я, конечно, могу навывисывать вам кучу порошков, транквилизаторов и прочей чепухи. Но все это даст лишь временный эффект, поскольку мы не устраним причину.

– А в чем она, причина?

– В том, что вы утратили цельность своей натуры. В некотором роде, у вас наступило раздвоение личности. Не в том, конечно, масштабе, чтобы можно было о чем-то беспокоиться... Но при вашей работе, извините, и этого вполне достаточно.

– То есть вы хотите сказать, что мне нужно определиться и стать наконец либо Полом Тэйлором, либо Павлом Ткачевым?

– Это само собой. Но вы, молодой человек, забегаете вперед. Для начала вам надо узнать Павла Ткачева столь же хорошо, насколько вы знаете Пола Тэйлора. А Павел Ткачев для вас пока – незнакомец. Мало того, незнакомец, которого вы не принимаете и даже боитесь. Как же тут сделать выбор?

– То есть вы хотите сказать, что я должен узнать эту свою русскую ипостась? И для этого поехать в Россию?

– Именно так. Выбор, конечно, остается за вами. Но позвольте дать вам еще один дурацкий совет: если имеется несколько средств лечения болезни, я выбираю самый радикальный. Как говорит моя практика, именно он почти всегда оказывается самым эффективным...

7

Поезд медленно тащился по заснеженной равнине. Пол стоял у окна и угрюмо смотрел на расстилающийся за окном однообразный пейзаж. Голова раскалывалась от боли. Черт дернул его поехать поездом! Ведь хотел же вначале лететь самолетом! В последний момент передумал – решил совместить дорогу с познавательным процессом. Понаблюдать за людьми и обычаями.

Результаты его наблюдений не были обнадеживающими. Люди здесь по большей части были закрытые, при встрече или вопросе, обращенным к тебе, не улыбались. Вели себя как-то странно – то подчеркнуто отчужденно и нелюдимо, то напротив, фамильярно и даже навязчиво. Не далее как прошлой ночью соседи Пола, студенты, возвращающиеся из Праги в Москву, устроили настоящий шабаш. Они пили чудовищно много водки, запивали ее пивом и до утра горланили под расстроенную гитару какие-то песни. Проводник, который, как надеялся Пол, наведет порядок, вместо этого присоединился к студентам, притащил еще две бутылки водки и свою собственную гитару. Изрядно заправившись спиртным, он принялся наяривать на гитаре этюд Джулиани, затем переключился на Каркасси, а закончил композицией из Пако де Люсии. Совершеннейшая невозможность, сюрреалистичность происходящего повергли Пола в состояние, близкое к коме. Ничего более идиотского, чем пьяный проводник, играющий на гитаре Джулиани, нельзя было представить. Окружающих, однако, это совершенно не смущало. Всем было очень комфортно и чрезвычайно весело. Решив в своих попытках исследовать нравы и обычаи идти до конца, Пол присоединился к компании. Взяв гитару, сыграл, чтобы польстить проводнику, из Джулиани, потом наобум из «Битлз» и даже из «Дип Пёрпл». Удивительно, но студенты восприняли все «на ура» и даже принялись подыгрывать на второй гитаре и отстукивать ритм на импровизированной ударной установке, состоявшей из чайника, стаканов и батареи бутылок, громоздившихся на столе. Что происходило дальше, Пол помнил с трудом. Похоже, он пил водку, потом пел английские народные песни, потом русские... Его хлопали по плечу и говорили, что он «классный чувак» и «реальный чел», даром что из Англии приехал. Узнав же, что у Пола была русская бабушка и что он хочет изучить русскую культуру, студенты наперебой стали уверять его, что он обратился как раз по адресу. Взяв у проводника лист бумаги, они тут же принялись составлять для симпатичного англичанина культурную программу, которая включала в себя не столько посещение общеизвестных достопримечательностей, сколько просмотр фильмов и чтение книг.

– Эта вся фигня для обычных иностранных чурок, – заверял в порыве откровенности студент в тельняшке по имени Слава, тыча пальцем в висящий на стене календарь с изображением храма Василия Блаженного. – А для тебя мы составим настоящую культурную программу! Эксклюзив!

Составление программы породило ожесточенные споры: не каждый фильм или книга были достойны того, чтобы их занесли в список. Однажды дело едва не дошло до драки, и Полу пришлось разнимать противников, по ходу дела недоумевая, как такой пустяк может привести к столь серьезным противоречиям. Под утро оказалось, что в купе набилось человек десять. Все клялись друг другу в вечной дружбе и взаимном уважении, уверяли, что готовы прийти на помощь по первому зову, обменивались адресами и телефонами, не забывая прибавить, что смертельно обидятся, если друзья их не навестят... В общем, когда Пол отключился, он был совершенно счастлив.

Когда за окном забрезжил белесоватый свет зимнего утра и Пол пробудился от тяжелого сна, хмурый и изрядно опухший проводник принес чаю, после чего удалился, ни слова не сказав. Все остальные тоже были хмурые и неразговорчивые. Точно вчерашнее бесшабашное веселье было каким-то наваждением, сном.

Впрочем, Полу и самому было не до веселья. С похмелья его изрядно «колбасило». Это новое для него слово удивительно точно передавало все оттенки его нынешнего состояния. Его лексикон изрядно пополнился и другими словами и выражениями, только Пол не знал, насколько они уместны в приличном обществе, поэтому пока решил воздержаться от их употребления.

8

Когда поезд подъехал к вокзалу, студенты гурьбой высыпали на перрон. Увидев, что Пол остановился, намереваясь дожидаться носильщика, они подхватили его вещи, с гомоном прошли через здание вокзала, буквально за шиворот схватили какого-то таксёра, побросали вещи в багажник и на крышу и отправили растерявшегося англичанина в гостиницу. Машина была старая, задняя дверь закрывалась плохо, и из нее изрядно сквозило. Пожилой водитель, который, как оказалось, был профессором биологии, всю дорогу ругал каких-то неведомых Полу «олигархов», депутатов, бюрократов и «дерьмократов», а заодно и всю современную молодежь. Высказавшись напоследок вполне конкретно и кратко относительно Англии, Америки и еще почему-то Австралии, он выгрузил Пола у «Президент-отеля» на Большой Якиманке и, обдав вонючим дымом из выхлопной трубы, укатил прочь.

Оказавшись в номере, Пол рухнул на постель и беспробудно проспал почти до вечера. Заказав затем себе в номер обед, он просмотрел несколько телевизионных программ, однако мало что понял. Его русский язык оставлял желать много лучшего. Хотя он и выбрал в целях быстрого обучения специальный курс, предназначенный для секретных агентов, знания, полученные экспресс-методом, определенно требовали обкатки. Этот специальный курс представлял собой несколько аудиодисков, записанных в специфическом формате. Слушать его требовалось во сне: информация записывалась на уровне подсознания. У курса были побочные эффекты в виде последующего расстройства сна и головных болей, но в экстремальных случаях, когда за несколько дней требовалось на сносном уровне выучить иностранный язык, он вполне годился. Начальный курс Пол прошел еще в поезде, ночью, предшествовавшей той, когда у него появились студенты-попутчики. Что ж, эффект налицо: он смог вполне сносно объясниться с ними.

Решив, что откладывать изучение языка на потом не следует, Пол отужинал и разобрал багаж. Достав из чемодана пистолет (пугач, детскую игрушку, которую якобы вез своему племяннику в подарок), Пол разобрал его и полностью заменил механизм на настоящий, боевой (детали были аккуратно рассованы по разным частям багажа). Взяв скотч, прицепил кобуру снизу к кровати так, чтобы даже из лежачего положения было легко выхватить пистолет. Затем вынул из сумки самурайский меч (для того, чтобы перевезти его через границу, понадобилось сделать соответствующий липовый документ). Понятное дело, это был тоже подарок, только уже не племяннику, а дяде. Спрятав его за задней стенкой шкафа, Пол рассовал по номеру еще кое-что, так уже, по мелочам, после чего всунул сразу два оставшихся диска в плеер, установил таймер и, улегшись на кровать, расслабился...

На следующее утро он проснулся в хорошем настроении. Несмотря на легкую головную боль (последствие экспресс-изучения языка), он решил не терять зря времени и отправиться изучать русскую жизнь «в натуре». Пол помнил, что это сочетание слов часто повторял один из охранников гостиницы, и ему нравилось их открытое, даже можно сказать художественное звучание.

Везде чувствовалось предновогоднее настроение – как-никак 31 декабря. Народу везде была уйма: каждый торопился, как водится, в последний момент, купить подарки для своих родных и близких. Если же учитывать, что в России в их число входят не только жены, дети, мужья, тещи и прочие родственники, но и друзья, приятели, знакомые, коллеги, партнеры, сослуживцы, начальники, подчиненные, домработницы, секретарши, бухгалтеры, учителя, врачи, работники РЭУ и множество других нужных в обиходе людей, то становилось понятным, почему улицы вдруг приобрели такой вид, словно вот-вот должно было начаться Вавилонское столпотворение. «Вот еще тоже странный русский обычай, – отметил про себя Пол, – дарить подарки не к Рождеству, как во всех нормальных странах, а именно к Новому

году. Черт знает что. Наверное, еще от язычества осталось... Впрочем, это даже лучше, – отметил Пол через некоторое время, – живой речи можно послушаться на год вперед».

Он побывал на экскурсии по городу, сходил на Арбат, купил у тамошних торговцев матрешку, балалайку и шапку-ушанку, посмотрел в Кремле на Царь-пушку и Царь-колокол, постоял у мавзолея и поглазел на Собор Василия Блаженного. При этом на экскурсии по городу выяснилось, что ведет ее бывшая спортсменка-лыжница, которая вместо того, чтобы показывать достопримечательности, все время норовила завернуть в какие-нибудь магазины, где продаются самые лучшие товары и уж конечно намного дешевле, чем во всех других местах (еще бы, новогодние распродажи!). Досконально изучив все эти фокусы еще в арабских и иных странах, Пол не поддался на провокацию и не купил ничего. Правда, потом он пожалел об этом, потому что пока он глазел на Царь-Пушку, каких-то два молодых человека приятной наружности у него из кармана прямо-таки виртуозно сперли все наличные. Нагруженный матрешками, балалайкой да еще в шапке-ушанке, которая постоянно норовила сползти на глаза, Пол был не в состоянии преследовать похитителей. Поискав глазами полицейского, Пол хотел было к нему обратиться, но внезапно понял, насколько это будет нелепо. Он, Пол Тейлор, секретный суперагент, рыцарь Ордена Иерархии, дважды награжденный за особые заслуги, – и вдруг обращается к полицейскому из-за того, что два подростка украли у него из кармана деньги. «Мало ли, – убеждал он себя, – может, им подарки купить не на что». Окончательно решив, что он выше этого, Пол вышел из Спасских ворот Кремля и остановился между собором Василия Блаженного и мавзолеем. Тут же подоспевший благообразный старичок предложил Полу снять его на фоне сих достопримечательностей. Пол снял с шеи свой «Никон» и отошел на приличное расстояние, чтобы в кадр вместились как можно больше этих красот. Когда он обернулся, старичка уже и след простыл. Растворился в толпе, как лодка в тумане.

Когда Пол вернулся в гостиницу, он был чрезвычайно зол. И не просто зол. Можно сказать, он был взбешен. Однако помня о том, что еще Конфуций определил, что «человек высоких помыслов» отличается от «человека низких помыслов» тем, что предъявляет требования к себе, а не к окружающим, Пол попытался успокоиться. Видимо, он слишком рано вышел «в люди», не изучив досконально образ мыслей и обычаи местного населения. Поужинав в ресторане гостиницы, где он сидел один за столиком, мрачно глядя в висящий на стене телевизор, по которому передавали традиционную новогоднюю русскую комедию «С легким паром», Пол поднялся в номер и лег спать.

Следующие три дня Пол Тэйлор провел в заточении. Достав список, заботливо составленный для него студентами на бланке с надписью «Накладная», он заказал в номер книги и видео.

Книги привели его в уныние. Несмотря на великолепный русский язык, образцам стиля которого позавидовал бы любой английский автор (если бы, конечно, писал по-русски), Пол почти ничего в них не понял. Тургенев писал красиво и умно, но при этом о каких-то людях, которых в реальности не существует. Его непомерно впечатлительные девушки поминутно краснели, охали и чуть что падали в обморок. Лермонтов был эгоистичен, мрачен и, судя по всему, просто одержим идеей демонизма. Толстой оказался до невозможности назидателен и многословен. Особенно же он, сделал для себя вывод Пол, увлекался батальными сценами, в которых ровным счетом ни черта не понимал. Чехов показался Полу Тейлору и вовсе каким-то мизантропом, человеконенавистником, паталогоанатомом, только что вылезшим из прозекторской. Особенно же его поразил роман некоего Достоевского, в котором не совсем нормальный молодой человек ни с того ни с сего вдруг решил убить старушку – мол, она вошь, и жить ей не стоит. Прикончив же старушку, он долго мучился, ходил на допросы к какому-то полусумасшедшему следователю, вступал в странные отношения с истеричными барышнями сомнительного поведения. В результате, вместо того, чтобы скрыться с деньгами, полученными от другого сумасшедшего, который застрелился оттого, что ему опостылела жизнь, неожиданно

пошел куда-то на площадь и признался в убийстве. Да, такого бреда Пол еще в жизни не читал. Он, конечно, изучал в университете литературу, даже читал некоторые произведения русских авторов в дайджестах, то есть кратких пересказах, знал понаслышке, что русская литература великая, но такого он и представить не мог. Впечатление было ужасное. Не спас положения даже Пушкин, который понравился Полу больше остальных.

Отшвырнув все эти книги и признав, что образ мыслей аборигенов для него не стал яснее ни на йоту, Пол принялся за видео. Он добросовестно отсмотрел сагу о похождениях бравого штандартенфюрера СС Штирлица в тылу врага, сериал о плохом опере Жеглове и хорошем опере Шарапове, повесть о нелепой жизни некоего Бузыкина, в которой фигурировал абсолютно ни во что не въезжающий придурок-иностранец, какую-то деревенскую историю о любовном треугольнике, в центре которого стоял тот же тип, что играл Штирлица, буффонаду о бароне Мюнхгаузене, клоунаду о каком-то Костике, жившем у Покровских ворот с соседями, у которых были странные фамилии – Хоботов и Велюров...

В конечном итоге в голове Пола все окончательно смешалось. Ему хотелось лишь одного – чтобы все это как можно быстрее закончилось.

9

Так что официант подоспел как нельзя кстати. Он отвлек Пола от этого трехдневного безумия. Позвонив дежурному, Пол вызвал горничную, чтобы убралась в номере. Проследив за женщиной, чтобы не дай бог, не нашла чего ненужного, он щедро наградил ее чаевыми и выпроводил восвояси.

Войдя в ванную и приняв контрастный душ, Пол изо всех сил растерся махровым полотенцем, чисто выбрился, надел свежую английскую сорочку, твидовый костюм и сел за стол.

«Так, – сказал он сам себе. – Что мы в итоге имеем?»

Положив перед собой чистый лист бумаги и взяв остро отточенный карандаш, стал делать заметки.

«Первое. В этой стране очень слабы общественные установления. Второе. Нет почтения к власти и авторитету. В лучшем случае – раболепие. Третье. Все взаимоотношения строятся по горизонтали, между конкретными людьми, на основе уважения. Четвертое. Здешним людям чуждо понятие середины, того, что составляет основу буржуазности. Живут по принципу либо все, либо ничего. Пятое...»

Однако пятого он дописать не успел, так как в номере раздался телефонный звонок. Подняв трубку, Пол услышал, как кто-то пытается на ломаном английском произнести фразу. С трудом поняв, что речь идет о каком-то пропуске, Пол перебил говорившего:

– Изъяснитесь по-русски. Так будет лучше.

– Вот черт, – выругались на том конце провода вполголоса. – Пропуск мне закажите, битых полчаса уже тут торчу!

От такого требования Пол несколько растерялся.

– Простите, а вы кто?

– Я же уже сказал, Женька я, Славкин брат. Вы что, по-английски не понимаете?

– Славкин брат? А это еще кто?

– Ничего себе! Ну тот, с кем вы в поезде ехали, просили еще, чтобы нашли кого-нибудь по городу поводить, местную жизнь показать.

– Ах, да... – пробормотал Пол, вспомнив одного из своих попутчиков-студентов.

– Ну как, пропуск будет? Или мне тут еще полчаса мерзнуть?

– Да, конечно...

Пол нажал телефонный рычаг, затем позвонил на рецепцию и заказал пропуск. Что за Женька? И неужели он просил найти себе провожатых по городу? Хотя все может быть. В том состоянии, в каком он был тогда в поезде...

Скоро в дверь постучали и на пороге появился невысокого роста тинэйджер лет примерно шестнадцати – русоволосый, одетый по современной рэпперской моде в омерзительного вида мешковатые штаны, потертые высокие ботинки и безразмерную мешковатую же куртку, кое-где отороченную мехом неизвестного происхождения.

Войдя, он небрежно кивнул, снял куртку, под которой обнаружилось уж и вовсе «нечто» оранжевого цвета, сел и независимо закинул ногу на ногу. Пол решил поддержать игру и уселся напротив, также положив ногу на ногу. Некоторое время они изучающе смотрели друг на друга.

– Ну и чего ты уставился, бомж занюханный? – поинтересовался наконец Пол, старательно воспроизводя только что усвоенную лексику. Судя по реакции юнца, усвоение происходило нормально. Парень вылупился так, словно его огрели по башке пыльным мешком. Все его нахальство вмиг как рукой сняло.

– Шутка, – поспешил разрядить ситуацию Пол, не дожидаясь, пока гость опомнится и осознает себя смертельно обиженным.

– Предупреждать надо, – проворчал Женя и тут же перешел к делу. – Короче, брательник ввел меня в курс, – похоже, парень восстанавливал самоуверенность буквально на глазах. – Экзотика, ночная жизнь, настоящие традиции, и много-много разнообразного, исконно русского языка. По преysкранту. В общем, беру я полтинник в день. Учитывая квалификацию, это по-божески. Останетесь довольны.

Он остановился и выжидательно уставился на Пола.

Подумав, что провожатый на первых порах ему действительно не мешает, Пол собрался было согласиться, но, помня, что арабы в подобных случаях заламывают цену впятеро, решил поторговаться.

– Хорошо, – ответил он. – Вот только пятьдесят – что-то слишком много...

Брови Жени удивленно поползли вверх.

– Елки, а я ему еще скидку сделал! Братан говорил, классный мужик, ты уж его не обижай. Может, я ошибся и вы вовсе не из УК? Может, вы из Индии или братской Гвианы? Может, ваше имя не Пол Тэйлор, а Миклухо Маклай?

– Не гони пургу, – мрачно буркнул Пол. – Так и быть, по рукам.

Женя, усмехнувшись, пожал протянутую ему ладонь.

– А у тебя с русским дела вроде ничего идут.

Как говорится, высокие стороны остались довольны достигнутыми соглашениями.

Минут через десять Пол был готов к выходу. Он чувствовал себя как невеста, которую вот-вот должны повести к алтарю. Как Наташа Ростова перед своим первым балом.

Женя критически осмотрел его с ног до головы и разочарованно присвистнул.

– Ну и ну! Вы бы, уважаемый, еще смокинг нацепили.

– А что? – насторожился Пол.

– Да ничего. Туфта полная. Новый прикид надо делать. У тебя как с бабками?

– Ничего, лавэ имеем, – в тон отозвался англичанин, вспомнив, что «бабки» на жаргоне – это деньги.

– Прекрасно, тогда поехали на Черкизон.

– Куда? – не понял Пол.

– На Черкизовский рынок. Только вот что, ты больше помалкивай, а то как узнают, что ты иностранец, цены раз в пять, а то и в десять поднимут. Жлобье еще то. Поэтому если что вякнуть придется, говори помедленней и коси под прибалта. Их у нас хоть и не любят, но все равно по привычке за своих держат.

Выйдя из гостиницы, они, по просьбе Пола, решили немного прогуляться.

Пол всю глазел по сторонам, стараясь не упустить ничего. Надо сказать, чем дальше, тем больше вещей удивляли его в русской столице. То, что движение на дорогах было организовано не лучшим образом и потому по всему городу образовывались гигантские пробки, было более или менее понятно. В любом мегаполисе мира эта проблема существует. Изумляло другое. А именно то, что эти пробки, по большей части, создавали сами участники движения. Хаотично припаркованные машины, некоторые из которых были просто брошены посреди улицы с включенными аварийками, мешали проезду. То и дело между водителями возникали стычки, за которыми равнодушно наблюдали представители дорожной полиции. На недоуменный вопрос Пола Женя лишь махнул рукой.

– Культур-мультиур не шибко развит.

– А дорожная полиция?

– Шутишь что ли? – удивился в свою очередь Женя. – Они бабло косят, на фига им еще и за порядком следить?

Пол ничего не понял, но предпочел промолчать.

Другой вещью, которая его изумила, было поистине огромное количество на дороге супердорогих машин. В одной из рекомендованных ему студентами книг, он вычитал фразу:

«Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения». Глядя вокруг, он бы вполне мог с этим поспорить. Такого количества джипов, «поршей», «бентли», «бмв», «мерседесов», «ломбарджини» и прочих свидетельств личного благополучия Пол не видел ни в одной столице мира. Самое главное – он не понимал, для чего это. Ведь это же очень не экономично, да и не удобно ездить по городским улицам... На вопрос, обращенный к Жене, Пол получил еще один странный ответ:

– Брат говорит, что это из-за недостаточной социальной дифференциации. Общество как кисель, а нужны социальные маркеры. Вот народ и изгаляется. А я думаю, что просто ворье жирует. Кто к трубе нефтяной присосался, кто чиновником устроился и взятки берет. Сволочи, короче, и паразиты.

Женя сплюнул, тем самым показывая, что разглагольствовать на эту тему более не желает.

В принципе, взгляды Жени были Полу ясны. Только он никак не мог взять в толк, как в одной стране может быть такое количество чиновников или тех, кто присосался к нефтяной трубе. Решив подумать над этим позже, Пол снова принялся вертеть головой на 360 градусов.

Наконец они зашли в метро. Пол был начитан о русской подземке, даже видел фотографии в путеводителе. Уже тогда его изумило, зачем превращать вполне функциональную вещь в некое подобие дворцов – с колоннами, статуями, бронзовыми канделябрами и т. п. Это как если бы в автобус или троллейбус поставили антикварную мебель а-ля Людовик XIV. Дорого, громоздко, помпезно, не рационально. Похоже, тут вообще с рациональностью тяжело. По крайней мере, здесь, в России, она находится не в числе главных приоритетов. Несмотря на то, что фотографиями из путеводителя он был подготовлен, Пол поразился, увидев метро «в натуре». Мрамор, высокие своды с мозаиками, колонны... Да, все же странный народ. Но какой талантливый!

Пораженный красотой, царящей вокруг, Пол пришел в приподнятое расположение духа. Широко улыбаясь, он сидел в вагоне метро и смотрел на окружающих людей. К его удивлению, окружающие не разделяли его чувств и не улыбались. В Англии, или, скажем, в Европе, принято, встретившись взглядом с другим человеком, ему улыбнуться, поздороваться или просто пожелать всего хорошего. Норма вежливости, то, что идет на автомате. Здесь же Полу в ответ никто улыбаться не собирался, а тем более здороваться или желать всего хорошего. Люди как-то подозрительно косились на него, а то и просто бросали раздраженные взгляды.

– Ты чего? – толкнул Женя в плечо Пола, заметив, что тот, улыбаясь, смотрит на какого-то мужика. – Хочешь, чтобы тебя за гомика приняли?

– Почему?

– Потому. У нас так себя только пидоры ведут. Не хватало еще по роже получить... Надеюсь, у тебя с ориентацией все нормально? – опасно покосился на Пола тинэйджер.

– Нормально, – буркнул Пол и, перестав улыбаться, принялся смотреть в окно.

10

Через минут сорок они уже были в районе рынка. Еще через час Пол был одет в то, что сказал ему купить Женя, а именно – черные джинсы с какими-то пошловатыми надписями, сделанными с ошибками на английском, сиреневую водолазку, фиолетовый пиджак и зимнюю куртку с надписью «Columbia», которая явно была пошита в ближнем Подмосковье, причем не иначе как с привлечением к процессу дешевой рабсилы в виде вездесущих таджиков и всепроникающих вьетнамцев.

Оглядев себя в зеркале у торговца, то ли турка, то ли грузина, который то и дело восхищенно всплескивал руками, причмокивал от удовольствия и на всю округу восклицал: «Карош! Карош! Супер!», Пол с трудом преодолел отвращение от увиденного и окончательно смирился с предстоящими ему испытаниями.

– Ну, что ж, веди меня, Виргилий! – драматически обратился он к Жене.

– Гм, все девять кругов ада я не обещаю, но парочку покажу, – в тон отозвался тинэйджер, продемонстрировав неожиданную начитанность.

Заехав в гостиницу и оставив в номере свой английский костюм, о котором Женя почему-то сказал, что «у нас такой только Кобзон носит», Пол пригласил своего гида в ресторан гостиницы, где они плотно пообедали. Бармен и два официанта все время подозрительно косились в сторону Пола – не иначе приняли за заезжего извращенца-любителя мальчиков.

Наконец обед был закончен. Женя откинулся на спинку стула и смачно рыгнул.

– Пардон, – изысканно извинился он. – Правильная была идея – тут отхарчеваться. А то в этих сомнительных заведениях цены на жратву – мама, не горюй. А так там только выпивку закажем да еще чего-нибудь по мелочи. Кстати, я не сказал, что моя выпивка там за твой счет?

– Молодой человек, а вам уже есть двадцать один год?

– Чего?

– Хорошо. Пиво и пару коктейлей я обещаю.

– То-то же. Может, еще и девочек снимем?

– Вот это уже за твой счет.

– Предложение отменяется. Погорячился. Был не прав.

Странное дело, но этот хамоватый подросток отчего-то нравился Полу все больше и больше.

– Ладно, пора.

Заведение, в которое они пришли, располагалось в центре столицы. На первом этаже были два смежных зала, а на втором – дансинг и бар, оформленный почему-то в средневековом студенческом стиле. Везде громоздились фальшивые книжные полки, уставленные фолиантами и всевозможными колбами. Заведение это сразу не понравилось Полу своей мелкобуржуазной респектабельностью. Посидев там немного и послушав какую-то нелепую группу под названием «Нестандартные молекулы», которая орала в микрофоны так, что весь интерьер вокруг, казалось, вибрировал на той же нестандартной частоте, и выпив пару коктейлей, Пол решил, что пора перебазироваться в другое место. Тем более что к нему постоянно клеились пышнотелые, утомленные светской жизнью девицы, в глазах которых недвусмысленно читались трехзначные цифры. Не без злорадства оттащив Женю от какой-то юной рыжеволосой любительницы приключений, которой на вид было не более четырнадцати лет, он проорал ему на ухо, стараясь перекрыть рев «Молекул»:

– Уходим!

– Почему?

– Не пойдет! Полный отстой!

Ни слова не говоря, Женя сделал рыжеволосой ручкой и отправился вниз – одеваться.

«Ух ты, – невольно восхитился Пол. – Вот что значит профессионализм!» Он даже почувствовал себя немного виноватым за то, что столь грубо разрушил Женину идиллию.

– Если хочешь взять у нее телефон, сходи. Я подожду, – предложил он ему на выходе.

– Ну ее на фиг, – отозвался провожатый. – Слишком много хочет. Вот еще, нашла дурака за какую-то туфту столько отслюнявливать.

Минут десять после этого Пол не произносил ни слова. Они шли какими-то дворами, петляли в переулках.

– Куда идем? – спросил Пол наконец.

– Да тут, есть одна дыра, – неопределенно отозвался Женя.

Дыра оказалась и впрямь дырой. То есть натурально. Двери заведения, носившего гордое название «Дар орла», были стилизованы под вход в пещеру. Гардероб был сколочен из неструганных досок и походил на непомерно большой деревенский сортир. В коридоре из стен торчали самые неожиданные предметы – гипсовые руки, носы, автомобильные шины (разумеется не гипсовые, а самые что ни на есть резиновые), углы компьютерных мониторов, чья-то вскрытая черепная коробка, бюст Ленина, рука с отогнутым средним пальцем, кабанья морда, зажавшая в зубах мобильный телефон. В конце коридора, перед входом в зал, красовалась надпись: «Добро пожаловать в специальный дурдом имени Карлоса Кастанеды».

В зале в беспорядке были расставлены кособокие ярко выкрашенные лавки и столы. Все углы были перекошены и словно вывернуты наизнанку. Стилизованная рама, вероятно, призванная обозначать окно, имела форму какого-то усеченного параллелепипеда, грозящего вот-вот рухнуть на головы присутствующих. Между столами и лавками был насыпан песок. Прямо из него там и сям торчали кактусы разного размера и высоты. Ходить по песку можно было лишь босиком: обувь следовало оставить перед входом. Тут звучала психоделическая музыка, в почете была текила и ее производные. Несколько человек сидели, уставившись остекленевшим взглядом в стену. «Вряд ли их так сплющило от текилы, – отметил про себя Пол, – тут нужно что-то посерьезнее». Как оказалось, «дыра» – было вполне обиходным названием заведения и являлось сокращением его официального наименования «Дар орла». «Как все-таки меток народ в своих оценках», – подумал Пол и осторожно сел на одну из скамеек...

Выдержал он в «дыре» не более получаса. За это время: к нему прицепился долговязый тип с разговорами о Кастанеде и Коэльо, другой персонаж минут десять осаждал Пола бессвязным рассказом о своей поездке в Индию к местному «святому» Саи Бабе, двое, один из которых был с пирсингом по всей физиономии, включая брови, губы и нос, предложили Полу «принять по кислоте», а какая-то неопределенного возраста особа женского пола в сари и джинсах подмигнула ему и сообщила, что могла бы стать его гуру в изучении тантры.

Ни слова не говоря, Пол сгрэб Женю за рукав и выволок наружу.

– Тут-то тебе что не понравилось? – осведомился провожатый, оказавшись на улице.

– Это уже не отстой, а какая-то шизофрения, – недовольно буркнул англичанин. – Международный съезд душевнобольных.

– Ты же ведь хотел чего-то необычного? Вот и получай согласно преискуранту.

– Э, ты ври, да не завирайся, друг Женя. Шлюх и шизофреников я не заказывал. Так не пойдет. Надо отрабатывать бабки, – подумав, наставительно заметил Пол.

– Ишь ты, по-русски как насобачился. Тебе уже и ходить никуда не надо.

– Надо, Женя, – мягко возразил Пол, – надо.

– Ну, ладно, – сквозь зубы проговорил подросток. – Будет тебе расколбас по полной программе. Пошли.

– Куда?

– В «Каземат».

– А что это?

– Что надо. Там увидишь. А пока не хрен спрашивать. Сюрприз. Да, и стоять будет сегодняшний день не пятьдесят, а сто баксов. Цена не обсуждается.

Они вышли на Моховую. Город сиял тысячами разноцветных огней. Фары машин, освещенные окна домов, вывески, рекламные щиты, световые табло, ярко горящие фонари, празднично украшенные елки – все сливалось в один большой искрящийся калейдоскоп. Пройдя мимо здания университета, возле которого одиноко и как-то зябко сидел на своем постаменте Ломоносов, искатели приключений свернули на Волхонку и мимо знаменитого дома Пашкова, Музея изобразительных искусств, Храма Христа Спасителя – этого весомого и весьма зримого свидетельства возможностей новой власти России – вышли на Остоженку, потом свернули в переулок.

Двор. Какая-то площадка, огороженная металлической сеткой, приземистое офисное здание с темными окнами. Помойка. Полузанесенная снегом траншея со стоящими рядом ограждениями и наконец – огромное жерло ведущего куда-то вглубь туннеля.

– Это что? Подземный гараж? – поинтересовался Пол, но ответа не получил. Гид обиженно сопел и молча шел вперед. Скоро вокруг сгустилась тьма. Они проходили мимо каких-то боксов со стоящей в них то ли снегоуборочной, то ли асфальтоукладочной техникой. Грузовики, автобусы, шины, сложенные в стопки и достигающие чуть ли не до потолка, запчасти... Тоннель уходил все глубже и глубже под землю.

– Ты точно знаешь, что тут кто-то есть? – поинтересовался Пол, но ответа снова не получил.

Тоннель несколько раз поворачивал, и после одного из таких поворотов свет вдруг стал ярче – на стенах стали попадаться горящие лампы. Еще один поворот – и Пол со своим провожатым вошел в ярко освещенный паркинг. Тут стояло множество машин. Здесь были представлены все классы автомобилей – от гольф-класса до машин представительского уровня, спортивных моделей и даже эксклюзивных экземпляров. «Мерседесы», «Лексусы», пара «Хаммеров», «Бентли», даже «Майбах»... Пол не успел даже прикинуть, что все это может означать, как вдруг услышал впереди себя рычание, и на его пути возник гигантский поджарый мраморный дог. Точно какая-нибудь собака Баскервиллей, внезапно вынырнувшая из недр Гримпинской трясины. За ней из-за поворота неторопливо появился здоровенный амбал в камуфляже, совершенно лысый, с безобразным шрамом через все лицо. Окинув опытным взглядом прибывших, он отрывисто спросил:

– Кто такие? От кого?

– От Черепа, – ответил Женя.

Амбал снял с плеча рацию и что-то пробубнил в нее. Послушал ответ.

– Как зовут?

– Женька Петров. Петруччо. Он знает.

Амбал снова что-то пробубнил в рацию. Видимо, получив утвердительный ответ, он переключился на Пола.

– А этот?

– Англичанин.

– Турист? Ну-ну. Пусть покажет паспорт.

Пол послушно полез во внутренний карман, достал свой английский паспорт и протянул амбалу. Чудовище у ног амбала на этот жест напряжилось и глухо зарычало.

– Фу, Долли! – бросил вполголоса охранник.

– Долли! – Пол скорчил глупую умильную физиономию. – Славный собачка! Умный собачка! Долли! «Хэлло, Долли!» – фальшиво затянул он хриплым тенорком, якобы подделываясь под Армстронга.

Губы амбала тронула едва заметная презрительная ухмылка. В этот момент в паркинг въехала еще одна машина – со спецномерами и затонированными стеклами. Лишь взглянув на протянутый ему паспорт, амбал буркнул в рацию «два голубых», после чего бросил в сторону сразу ставших ему неинтересными посетителей «проходите».

– Почему «два голубых»? – спросил Пол, когда они отошли от охранника на достаточное расстояние. – Он что, принял нас за гомосексуалистов?

– «Два голубых» – это два билета в голубой зал, – пояснил Женя. – А ты молодец, что под придурка закосил. Он даже паспорт не посмотрел. Продолжай в том же духе.

– Рад стараться, – усмехнулся англичанин. – А сколько у них тут залов всего?

– Не знаю. И тебе не рекомендую интересоваться, – посоветовал Женя и открыл серую металлическую дверь. Спустившись по длинной лестнице вниз, они остановились перед окошком, проделанным в стене.

– Два голубых стоят пятьсот баксов, – сказал Женя, пропуская Пола к окошку.

– Сколько?! – присвистнул англичанин.

– Пятьсот. А ты думал, это кафе-мороженое для пионеров?

Пол достал пять сотенных купюр. «Хорошо что сегодня с запасом взял в банкомате», – подумал он, просовывая деньги в окно. Взамен ему дали каких-то два маленьких голубых картонных билета.

Они вышли в широкий сводчатый коридор. Через некоторое время, остановившись возле большой темной дубовой двери, Женя позвонил. В двери открылось окошко, которое тут же проглотило оба двухсотпятидесятидолларовых билета. С той стороны что-то лязгнуло, и дверь бесшумно распахнулась. Пол шагнул внутрь и замер от неожиданности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.